

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ РАН
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
УКРАИНСКИЙ ИНСТИТУТ СПЕЛЕОЛОГИИ И КАРСТОЛОГИИ
РУССКОЕ ОБЩЕСТВО СПЕЛЕСТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРИРОДНЫЙ БИОСФЕРНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «ШУЛЬГАН-ТАШ»
НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
ТЕХНОЛОГИЙ И РЕСУРСОВ

СПЕЛЕОЛОГИЯ И СПЕЛЕСТОЛОГИЯ

К 100-летию А.В. Рюмина

МАТЕРИАЛЫ V МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ (ЗАОЧНОЙ) КОНФЕРЕНЦИИ

Под патронатом:
UIS Commission on Karst Hydrogeology and Speleogenesis
UIS Artificial Cavities Commission
IGU Commission Karst (C12-23)

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ
2014

УДК 551.4.02: 551.435.8: 551.44: 551.584.65: 552.08: 581.9(24):
591.9(24): 622: 903.27: 903.7: 904: 908: 910.2: 911.6: 93
ББК 26.823
С 23

Редакционная коллегия:

Гулько А.А. (Наб.Челны, РФ), Долотов Ю.А. (Протвино, РФ),
Гайфутдинов А.М. (Наб.Челны, РФ), Филиппов А.Г. (Эйрдри, Канада),
Червяцова О.Я. (Иргизлы, Башкортостан, РФ),
Косарев М.Н. (Иргизлы, Башкортостан, РФ), Гаршин Д.И. (Ступино, РФ),
Марков А.В. (Химки, РФ), Паризе М. (Бари, Италия),
Шагинян С.М. (Ереван, Армения), Бахтадзе Н.А. (Тбилиси, Грузия),
Потапов С.С. (Миасс, РФ), Мавлюдов Б.Р. (Москва, РФ),
Житенев В.С. (Москва, РФ), Трофимова Е.В. (Москва, РФ),
Ридуш Б.Т. (Черновцы, Украина), Гулько О.Г. (Наб.Челны, РФ)

Editorial Board:

Gunko A.A. (Nab.Chelny, Russia), Dolotov Yu.A. (Protvino, Russia),
Gaifutdinov A.M. (Nab.Chelny, Russia), Phillipov A.G. (Airdrie, Canada),
Chervyatsova O.Ya. (Irgizly, Bashkortostan, Russia),
Kosarev M.N. (Irgizly, Bashkortostan, Russia), Garshin D.I. (Stupino, Russia),
Markov A.V. (Himki, Russia), Parise M. (Bari, Italy),
Shaginyan S.M. (Yerevan, Armenia), Bahtadze N.A. (Tbilisi, Georgia),
Potapov S.S. (Miass, Russia), Mavlyudov B.R. (Moscow, Russia),
Zhitenev V.S. (Moscow, Russia), Trofimova E.V. (Moscow, Russia),
Ridush B.T. (Chernovtsy, Ukraine), Gunko O.G. (Nab.Chelny, Russia)

Speleology and speleology: Proceedings of the V International Scientific Correspondence Conference. – NISPTR, Naberezhnye Chelny, 2013. – p. 342.

Спелеология и спелестология: сборник материалов V международной научной заочной конференции (К 100-летию А.В. Рюмина). – Набережные Челны: НИСПТР, 2014. – 342 с.

В сборник включены материалы докладов, представленных на V Международную научную заочную конференцию «Спелеология и спелестология» (г. Набережные Челны, 29 ноября 2014 г.). Материалы группируются по пяти разделам: «Спелеология», «Спелестология», «Экология и охрана пещер», «Исторические городские подземные сооружения», «Использование подземного пространства». В публикуемых материалах освещается большой круг теоретических, практических и прикладных вопросов спелеологии и спелестологии.

Издание предназначено для специалистов спелеологов, спелестологов, геологов, географов, историков, биологов, экологов, а также для краеведов, студентов, аспирантов и всех интересующихся вопросами исследования, охраны и использования пещер.

ISBN 978-5-98452-116-1

На обложке: палеолитические рисунки в пещере Шульган-Таш (фото: Юшко А.А., 2009)

Димитрий (Самбикин), архим. Краткое сведение о Дивногорском Успенском мон-ре // Воронежские епархиальные ведомости. Приб. № 16. 1882.

Лицевой летописный свод. Остермановский второй том. Изложение отечественной истории за 1378–1424 гг., 887 л., 1581 миниатюра.

Памятная книжка Воронежской губернии на 1863–1864 г. Воронеж: Типография губернского правления, 1864. 239 с.

Плужников В.И. Пещерные монастыри на Дону и Осколе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Города, ансамбли, зодчие. М., 1985.

Православные монастыри. Путешествие по святым местам. № 56, Москва: ООО «Де Агостини», 2010.

Рапорт игумена Дивногорского монастыря Иова епископу Воронежскому и Елецкому Тихону от Мая ... 1781 года // Акты Дивногорского Успенского монастыря. Сообщение А.М. Правдина // Воронежская старина. Вып. 1. Воронеж, 1902. С. 57–90.

А.Г. Филиппов*, В.В. Цибанов**

*Karst Research Inc., Эйрдри, Альберта, Канада

**Клуб Спелеологов МГУ, Москва

ГОРНЫЙ ИНЖЕНЕР П.С. НАЗАРОВ, ПЕЩЕРА КАН-И-ГУТ И РУДНИК «ПРИЗРАК» КУХ-И-СИМ

A.G. Filippov, V.V. Tsibanov

MINE ENGINEER P.S. NAZAROFF, CAVE KAN-I-GUT AND «GHOST» MINE KUH-I-SIM

The Russian translation of English version of P.S. Nazarov's article «Kuh-i-Sim, the treasure of Turkestan», 1929, is published for the first time. Two famous medieval silver mines of Central Asia, Kuh-i-Sim and cave Kan-i-Gut, are described in his paper. Also, a brief information on peculiar Nazarov's biography, and bibliography of some of his publications devoted to geology, zoology, anthropology, ethnology, archaeology and history of Turkestan are provided.

Во время работы с литературными, историко-археологическими и геологическими материалами по поводу легендарной пещеры Кан-и-Гут в Киргизии, наше внимание привлекло следующее мимолётное упоминание советского геолога А.Ф. Соседко [1935]: «...археолог Кастанье указывает, со слов П.С. Назарова, о наличии серебро-свинцовых руд в пещере». Подобные данные о посещении горнопромышленником Назаровым пещеры «Кони-Гут», считавшего её заброшенным рудником, мы нашли и в более поздней монографии «Археологический очерк Исфаринского района» со ссылкой на статью Кастанье [Давидович, Литвинский, 1955: 15], а также в научно-популярной книге «Рудник Погибели» известного среднеазиатского археолога М.Е. Массона [1971: 35] без ссылки на первоисточник. По-видимому, сведения Массона также базируются на информации, опубликованной Кастанье.

Действительно, небезызвестный и, как повелось считать среди археологов-профессионалов, «странный археолог» [Горшенина, 1996] Иван Антонович (Жан Антуан) Кастанье в своей ставшей библиографической редкостью статье «Современные успехи спелеологии и мои спелеологические поездки по Туркестану 1913 и 1914 гг.» поместил следующие примечательные строки: «П.С. Назаров, посетивший эту пещеру, – то есть Кан-и-Гут (авт.), – сообщил

мне, что она представляет из себя заброшенный рудник (попадаетея железо- и серебро-свинцовая руда). Долгое пребывание в пещере, со слов П.С. Назарова, вызывает странное ощущение, и при выходе люди очень бледнеют» [Кастанье, 1915: 20–21]. Понятно, как трудно было обойти вниманием столь интересный исторический эпизод, и нами было предпринято дополнительное исследование, теперь уже касающееся личности П.С. Назарова и его посещения пещеры-рудника Кан-и-Гут.

С первых же шагов поиска бросилось в глаза, что учёные из разных ветвей науки считают Назарова специалистом в своей области: ботаником [Иконников, 1997: 6], зоологом [Шергалин, 2013: 173], антропологом и этнографом [Шитова, 2001: 6; Кузеев, 1974: 21], агрономом [Назаров, 2009: 165], а В.И. Вернадский [1914: 67] назвал его «горным деятелем и натуралистом». Есть и прямые подтверждения его существенного вклада в эти науки. Так, например, в 1893 г. Императорским Обществом Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии Павлу Степановичу была выдана золотая медаль имени А.П. Разцветаева за научные труды по антропологии башкир [Ивановский, 1900: 124].

Геолог и горный инженер, посвятивший более двадцати лет поискам и исследованию минеральных богатств Туркестана [Hopkirk, 1993: ix], успешный

предприниматель-горнопромышленник, нашедший и организовавший разработку Наукатского и Чарух-Дайронского месторождений меди [Трошин, 1963: 134], неутомимый путешественник и натуралист, действительный член Императорского Московского Общества Испытателей Природы, Императорского Минералогического Общества, Императорского Русского Географического Общества [Burg, 1932: xi; Шергалин, 2009: 175] П.С. Назаров был заметной фигурой в жизни дореволюционного Ташкента и Туркестана в целом. Будучи ярким противником большевиков, захвативших власть в России, Назаров возглавил в Ташкенте контрреволюционное подполье [Hopkirk, 1993: vii], но в октябре 1918 г. был схвачен ЧК и приговорён к смертной казни. Чудом избежав её, Павел Степанович больше года спасался от преследования, укрываемый простыми таджиками и киргизами, а затем бежал в Китай, позднее – в Индию и, далее, эмигрировал в Англию. Перу Назарова принадлежит ряд работ по геологии [Назаров, 1887, 1912, 1915 и др.; Трошин, 1963], зоологии [Nazarow, 1886; Назаров, 1995], этнографии [Назаров, 1896], антропологии [Назаров, 1890], археологии [Назаров, 1907], истории [Nazaroff, 19296], кустарным промыслам [Гейер, Назаров, 1903], а также книг, освещающих перипетии его бегства от большевиков в Кашгарию, Китай [Nazaroff, 1932, 1980] и далее – через Гималаи в Индию [Nazaroff, 1935].

Ниточка поиска завела нас далеко, прочь из Туркестана, из России, в дальнее зарубежье и закончилась... в Южно-Африканской Республике, где покоится тело человека удивительной и трагической судьбы – Павла Степановича Назарова.

Отвлечёмся, однако, от фактов его необыкновенной биографии и остановимся на главном для нас эпизоде – его посещении легендарного Кан-и-Гута. Такое событие действительно имело место, и о нём пишет сам П.С. Назаров, находившийся в эмиграции в Лондоне, в рассказе «Kuh-i-Sim, the treasure of Turkestan», опубликованном в журнале «Blackwood's Magazine» в 1929 г. [Nazaroff, 1929a]. Поскольку на русском языке рассказ не публиковался (Назаровым [1914] опубликована лишь краткая газетная заметка в «Туркестанских ведомостях»), то ниже мы приводим выполненный В.В. Цибановым перевод.

П.С. Назаров КУХ-И-СИМ, СОКРОВИЩЕ ТУРКЕСТАНА

I

Много лет назад, будучи ещё студентом, я участвовал в геологической экспедиции в Киргизской Степи, в краях, далёких от всякого человеческого жилья. Однажды поздней осенью я попал в снежную бурю. Ветер дул неистовыми порывами, и в скором времени путь начал скрываться под снегом. Усталые лошади едва передвигали ноги. Столкнувшись с неприятной перспективой провести ночь в степи и, возможно, замёрзнуть, я спросил моего

проводника-киргиза: «И где теперь дорога? Где найдём укрытие?».

«Если поспешим, Кудай каласа, – то есть, если будет угодно Господу, – к вечеру сможем добраться до Хазрета и там найдём приятный кров и гостеприимство. У него большой каменный дом; другого такого в степи нет, а Хазрет – очень учёный и святой человек. Вам будет очень приятно встретиться с ним», – ответил мой спутник.

С большим трудом поздно ночью нам удалось добраться до жилища Хазрета. Его среднего размера каменный дом расположился на берегу ручья в роще, большой редкости в безлесной степи.

Я уже слышал о Хазрете, учёном мулле, пользовавшимся большим влиянием среди киргизов и снискавшим себе известность своей мудростью, образованностью и благочестием. Поэтому я был очень рад возможности встретиться с ним.

Моя радость удвоилась, когда я вошёл в предназначенную для меня светлую, чистую, тёплую и красивую комнату, самую лучшую в доме. Мебели не было, но всё помещение было увешано и выстелено роскошными бухарскими коврами. Повсюду подушки, стены вздувались пледами из сатина. Хорошо было расслабиться после десятичасовой езды в седле и холода снежной пурги, пить горячий чай и утолять голод отменным пловом, приготовленным способом, который известен лишь тем, кто жил в благородном граде Бухара-и-Шериф.

Хазрет принял меня сердечно: «Живи здесь, сколько пожелаешь, а настанет хорошая погода, я дам тебе свежих лошадей и провожатых, ты сможешь прямо двинуться в Яман-калу».

Воистину, он был интересной личностью. Киргиз, сын богатого родителя, он, будучи ещё юношей, исполненным жажды знаний, отправился в Бухару – центр магометанского просвещения. Там в течение восемнадцати лет он был студентом медресе, а потом совершил хадж в Мекку, преодолев верхом на лошади Афганистан и Персию. Теперь жил в тишине и покое среди близких людей, пожиная плоды своей мудрости. Он производил впечатление средневекового схоласта с чётко установившимися взглядами. Чудно было слышать от него, например, что Бухара – это самый просвещённый город мира. «Всюду свет нисходит сверху, но в Бухаре он восстаёт из земли», – говорил он, вторя хвастливым проповедям тамошних мулл. «В священной Бухаре вы можете обрести всё знание, одолеть все науки человечества», – утверждал он.

«Что же изучали Вы в медресе Бухары?» – спросил я его.

«Мусульманский закон, исторические книги, философию Афлатуна, работы Абу ибн Сины, географию и арабский язык, на коем всё это изложено».

Таков был объём мусульманского образования. Среди незнакомо звучащих имён учёных я распознал имена Платона и Авиценны, знаменитого географа, жившего в Хиве в одиннадцатом столетии и ставшего авторитетом в средневековой Европе.

«Я покажу тебе некоторые из моих книг», – добавил он и вскоре принёс и выложил на ковре ряд древних томов в кожаных переплётках.

«Это очень старые и дорогие книги. За одну вот эту я заплатил сто золотых тилей, ей около тысячи лет, по ней я учил географию».

Я внутренне улыбался тому, как он чтит сей фолиант, за который выложил около 30 фунтов стерлингов, за трактат по географии, который, конечно, не освещал и сотой доли известного нам мира. Я взял книгу, и мой взгляд упал на большую карту, изображающую вселенную в виде плоского круга, окружённого кольцом океана. Северной Европы, восточной части Азии и большей части Африки не существовало. Контуры стран и континентов искажены, а на месте Великобритании изображены некие «Острова Джиннов».

Узрев такую диаграмму мира, я едва смог сдерживать улыбку.

«А Москва и Санкт-Петербург здесь указаны?» – спросил я.

Хазрет взглянул на карту и ответил: «Нет, эти города не показаны». – «Но что же проку от географии, не отражающей столь важных городов?» – «Тут изображены преимущественно магометанские страны, – ответил Хазрет. – Видишь, вот Бухара, а вот Самарканд». – «А где же Ташкент?» – «Здесь Ташкента нет».

Тут уж я не мог не улыбнуться: «Хорошо, но что толку от сего трактата по географии? Ничего нельзя узнать из него о мире, ничего он не стоит!»

Хазрет немного подумал. Казалось, тень сомнения в своей учёности набегала на его лицо, что-то колебалось устоявшиеся его мусульманские понятия.

«Видишь ли, – начал он после короткого раздумья, – мне не столь дорог новый мир наших дней, сколько тот, что существовал во времена Пророка, да славится имя его!»

«Ответ, достойный истинного ортодоксального фанатика», – подумал я. В те дни я был юн и гордился своими собственными знаниями, почерпнутыми в университете. Много лет позже я понял свою ошибку и неспособность оценить знания этого учёного мурлы, его любовь к прошлому.

Заметив некий большой город возле Самарканда, я спросил Хазрета, что это за город.

«О, это большой и очень процветающий город, Тункет, столица провинции Илак. В этой книге многое сказано о нём», – ответил он, исполняясь радостью.

«И что же там сказано о Тункете?» – спросил я, никогда ранее не слышавший о существовании такого города в Туркестане.

«Смотри, вот здесь, среди этих гор, – и он указал место на карте, – находится самая знаменитая и богатейшая серебряная копь в мире; здесь они добывали чистое серебро так, как будто это были камни. Копь принадлежала провинции Илак, а в Тункете чеканили монету и изготавливали разные тонкие ювелирные изделия, которые распространялись по всему свету в обмен на разного рода товары. Город утопал в роско-

ши, дворцах, мечетях и со всех сторон был окружён дивными садами».

«Но, должно быть, в старину так именовали Самарканд», – предположил я.

«Отнюдь, Тункет был совсем другим городом, богаче Самарканда; а в Самарканде лишь пребывал эмир, правивший всем Хорасаном», – возразил Хазрет.

«Гляди, – продолжал он, – здесь есть огромная и жуткая пещера, до конца которой никто ещё не проник. Там подземная река, а через неё мост, и в конце его ужасный дракон стережёт бесчисленные сокровища из золота и драгоценных камней. Он убивает каждого, кто рискнёт пройти».

«Ну, это только старые байки невеж прошлых дней. Вы как образованный человек сами знаете, что ничего подобного не существует», – попытался я урезонить собеседника.

«Нет, то – правда, – был его ответ, – я сам читал в Мекке на стенах главной мечети письма об этой самой пещере, а паломники из Коканда рассказали мне, что не так давно три киргиза, вернувшиеся из Мекки, отправились в пещеру для поиска сокровищ и не вернулись назад. Тогда их родственники, числом не менее сорока человек, все хорошо вооружённые, отправились их искать, но тоже не вернулись. После этого жители из окрестностей завалили главный вход камнями и засыпали землёй. Учёный мусульманин Абу ибн Сина, что жил девять столетий назад, описал эту пещеру подробно в своей книге; она зовётся Кани-Гут – то есть Рудник Погибели, – и дал все указания насчёт молитв, что следует прочесть, и заклинаний против дракона, необходимых тем, кто намерен туда идти и взять сокровища».

Далее я не слушал. Утомлённый приключениями, я впал в дремоту и так и не узнал, что ещё собирался сказать Хазрет о пещере и сокровищах Туркестана.

II

Спустя многие годы я пожалел, что так мало уделял внимания тем редким старинным книгам, что показывал мне Хазрет, этот мудрый старый знаток арабского языка и древней арабской литературы. Судьбе угодно было, чтобы я провёл свои лучшие годы в Туркестане в поисках его минеральных богатств. Я был пионером горной промышленности, которая тогда была ещё в зародыше.

Слава Туркестана как земли богатой золотом и другими важными и полезными минералами испарилась как дым после русской оккупации. Первые геолого-разведочные экспедиции горняков Урала и Сибири показали вскоре, что страна очень бедна. Эта оценка была подтверждена геологическими исследованиями профессоров Мушкетова и Романовского. Туркестан надолго перестал привлекать к себе внимание в этом отношении.

Однако мои первые исследования геологии Туркестана показали ошибочность этих представлений. И чем больше я изучал, тем больше убеждался, что край этот не бедней Урала в отношении полезных

ископаемых, но, конечно, залежи расположены не вблизи больших городов или главных путей сообщения. Золото, серебро, ртуть, медь, цинк и свинец, ванадиевые руды и вольфрам, нефть, уголь и изобилие отличной железной руды, асбест, недавно открытые радиоактивные руды и месторождения олова, мною найденные, обогатили бы страну, если бы обстоятельства были более благоприятными. Природа, кроме того, подарила драгоценные камни, обилие мрамора и литографского камня.

Помимо богатств и разнообразия минералов я был поражен остатками древних выработок с орудиями из бронзы и камня, встречавшимися на каждом шагу. Встречались разработки и недавнего прошлого, времён ханов Коканда, но большая часть старых копей в местах самых обширных разработок принадлежит, несомненно, очень отдалённому историческому периоду, золотому веку процветания и культуры Туркестана.

В одном удалённом месте среди гор видел я груды шлака, поросшие травой и кустарником, остатки многочисленных строений, старых шахт и подземных галерей, обширные выработки в скальной породе; всё превращено временем и землетрясениями в естественные пещеры, стены которых уже покрыты известковым веществом, а с потолка тут и там свисают сталактиты. Нужен очень опытный взгляд и тщательное исследование, чтобы распознать дело человеческих рук, понять, какие добывались руды и в каких местах. Замечательно то, что во многих таких раскопках главные пласты и входы в штольни и шахты искусственно замурованы, зацементированы и тщательно замаскированы. Для глаз неспециалиста всё это выглядит просто как пещеры и естественные гроты. К этому укрывательству природа ещё добавила осыпи, скальные обвалы, деревья и кусты.

Богатый и в высшей степени развитый горный промысел некогда процветал в этом месте, жизнь кипела, то был настоящий промышленный муравейник, как теперь где-нибудь в Англии или в Бельгии. Потом всё вдруг умерло, что-то здесь произошло и превратило процветающий промышленный район в пустыню.

Что бы то ни было, произошло не вдруг и не неожиданно, и горняки имели время подготовиться, дабы спрятать свои богатства от глаз неприятеля до лучших времён, которые для этой несчастной страны так и не настали.

Пещера, называемая Кан-и-Гут, о которой так много говорил Хазрет, оказалась хорошо известной и часто исследовалась. Ханы, во времена их правления, отсылали туда приговорённых преступников, обещая им жизнь и прощение, если пройдут её до конца и, вернувшись, расскажут, что они нашли в её глубинах. Ни один из них не вернулся.

Русские также предпринимали ряд попыток исследовать пещеру, но всякий раз останавливались, сталкиваясь с трудностями.

Теперешний вход в пещеру ведёт в огромный грот на краю подземных пропастей, в обширные залы и ка-

меры, глубокие колодцы и, в конце концов, к подземной реке. Воздух в пещере чист, она отлично проветривается, и нет следов тел погибших. Внутри источник превосходной чистой воды, остатки старых деревянных перекрытий и крепей из не гниющей древесины местного можжевельника, арчи (*Juniperus pseudosabina*). Но требуются крепкие нервы, чтобы передвигаться по узким скользким путям над тёмными и мрачными обрывами, дьявольски мерцающими при вспышках магия или ярком свете ацетиленовой лампы.

Было нетрудно распознать старый рудник в бесконечных камерах и проходах пещеры; чтобы пройти их все до конца понадобилось бы несколько дней.

Часть этих огромных полостей была создана природой, часть пробита руками человека на протяжении столетий. Здесь велись регулярные и методичные разработки, всюду деревянные крепи, глубокие шахты с приспособлениями для спуска и подъёма, хотя иные могли бы подумать, что пользоваться ими смогли бы разве что только обезьяны; в местах над крутыми или отвесными мраморными обрывами в камне пробиты специальные кольцевые отверстия для крепления верёвок.

Путь был покрыт пылью столетий; но если пыль удалить, то обнажится гладкий мраморный пол, отполированный сотнями босых ног, проходивших по нему на протяжении столетий, пол гладкий, как мрамор древних статуй. Имеются удивительные длинные трубообразные отверстия, просверленные каким-то необъяснимым образом вручную в твёрдой скальной породе.

В пещере имеется очень богатая серебро-свинцовая руда, галенит и золотоносная руда. Есть и руда цинковая, но если её и разрабатывали, то лишь для медицинских целей.

После исследования полостей пещеры в течение двух дней я пришёл к выводу на основании разных признаков, что воздух внутри богат радиоактивными эманациями. Научная экспедиция, которая обследовала пещеру перед Мировой войной, подтвердила моё мнение и доказала, что воздух внутри сильно радиоактивен. На северном подножье гор, в которых расположен Кан-и-Гут, в привлекательном месте приютилась могила святого Ходжи-и-Тараута. Там бьёт источник прекрасной воды, дающий жизнь зелёному оазису среди бесплодных гор. Место и родник считаются чудотворными и люди тысячами приходят к могиле святого испить целебной воды; исследования вскоре показали, что она сильно насыщена радиевой эманацией.

В большой горе Кара-Тау, над могилой, была найдена урановая смолка.

III

В высшей степени заинтересовал меня другой странный рудник. Я случайно наткнулся на него в дикой и удалённой части Туркестанских гор, в закрытой изолированной и пустынной долине. Меня поразило, что, несмотря на недоступность, всё в ней свидетель-

ствовало о давным-давно прошедшей уединённой жизнедеятельности людей, оставивших свои следы повсюду, но следы уже сглаженные и замаскированные временем и природой.

Через долину можно было проехать только верхом на лошади и то с трудом. По ней зигзагами снизу вверх до высоких гор всё ещё сохранилась широкая, отлично выложенная повозочная дорога. Теперь она вся заросла травой и деревьями. Дорога ведёт к старинным горным выработкам, многочисленным и очень обширным: иные обвалились, другие засыпаны обломками скальных пород в результате землетрясений. В главной выработке, изнутри подобной кафедральному собору, пол усыпан толстым слоем гуано и огромными скальными глыбами, рухнувшими с потолка. Но галереи были целы, изумительно широки, искусно пробиты в твёрдом мраморе, однако были «слепыми», т.е. вели в никуда. Всё свидетельствовало об интенсивных горных разработках, производившихся в течение ряда столетий в «промышленных капиталистических» масштабах.

После тщательных исследований отвалов, шлаков и выработок я отчётливо увидел, что здесь добывалось серебро и некоторые другие металлы. Но сами рудные жилы, собственно руды и окончания галерей были тщательно замурованы и искусно скрыты.

Человек неопытный едва ли смог бы понять, где находится основное рудное тело и где добыча могла быть возобновлена. Для специалистов я сказал бы, что это месторождение принадлежит к так называемому контактно-метаморфическому типу, какие имеются в Банате, на равнинах Дуная.

Кто же разрабатывал эти руды и в какой исторический период? Что за люди трудились здесь? Когда возник сей обширный горный промысел в ныне забытой и почти недоступной долине, промысел, который исчез, и куда поступал конечный продукт? Вот вопросы, которые возникали в моей голове, когда я изучал эту древнюю копь.

Конечно, то не могло быть делом теперешних обитателей страны, сартов, с их очень низким уровнем технических знаний и ленью. И к тому же их характер и склонность к сельскому хозяйству и разведению скота совершенно не соответствовали идее интенсивной горной деятельности.

Они помнили бывшие разработки, но добыча железа и меди во времена ханов имела очень примитивный характер, и местные жители ясно отличали эту выработку от древних крупномасштабных рудников, подобных тому, что я описал. Эта, говорят они с уверенностью, разрабатывалась китайцами.

Примерно в то же время, к которому относится мой рассказ, в Самарканде была найдена астрономическая обсерватория, принадлежавшая некогда Улугбеку, внуку Тамерлана, знаменитому учёному средневековья. Составленная им звёздная таблица не потеряла своего значения даже для современных астрономов. Ему принадлежит очень верное высказывание, часто повторявшееся в его сочинениях: «Изучение природы

объединяет род человеческий, а философия и религия разединяют». Как верно подтвердила эту мудрость история двадцатого столетия!

Когда я осматривал эту обсерваторию, то встретил русского археолога, который очень интересовался историей Туркестана. Он спросил меня, не приходилось ли мне во время моих геологических экспедиций в горах встречать древние серебряные рудники.

«А почему Вы об этом спрашиваете?» – спросил я в свою очередь.

«Видите ли, – объяснил он, – по сути нас не интересуют сами рудники, но по их месторасположению на карте, в согласии с древними арабскими руководствами, мы могли бы, ориентируясь по рудникам, определить месторасположение семи древних городов Туркестана, которые исчезли, и, сверх того, нахождение города Тункета, столицы провинции Илак. Мы надеемся найти там множество очень интересных антикварных предметов домагометанского периода Туркестана и первых столетий арабского правления».

«Этот рудник, – продолжал он, – назывался Кух-и-Сим, что на персидском языке означает Гора Серебра, или Серебряный Пик. В своё время он снабжал серебром весь мусульманский мир, а также Россию. В Эрмитаже, в Санкт-Петербурге, хранится целый ряд монет, извлечённых из старых хранилищ центральной и даже северной России, с надписями, что они отчеканены из серебра Кух-и-Сима в городе Тункете».

Тогда я вспомнил Хазрета и рассказал археологу об этом учёном киргизе и его старинных книгах.

«Да, действительно, – ответил мой собеседник, – то были, несомненно, очень редкие книги; жаль, что Вы не уделили им большего внимания и не записали их названий и имён авторов».

«В Бухаре, – продолжал он, – всё ещё имеется большое число старинных редких книг и рукописей, но местные муллы ценят их очень высоко и скрывают от европейцев».

Всё это настолько меня заинтересовало, что я решил всерьёз заняться историей Туркестана. В Императорской публичной библиотеке Санкт-Петербурга имелось великолепное издание М.Я. де Гье (M.J. de Goeje) «Bibliotheca Geographorum Arabicorum», но её арабский текст был для меня «закрытой книгой». К счастью, такие арабские авторы как Ал-Идриси, Истахри, Ибн-Хаукаль, Ибн Хордадбех и Абулфеда доступны частично или полностью в переводах на некоторые европейские языки. Эти писатели как бы заново открыли для меня Туркестан. Я, как и многие другие, считал этот край страной «новой», обнаруженной только недавно. Что только теперь Туркестан стал открытым для культуры и цивилизации, а до того был тёмной, непонятной и дикой азиатской страной, погружённой в варварство. Мне открылось, что в «глубине души» Туркестана таятся следы высокоразвитой цивилизации, существовавшей в пору, когда народы Европы ещё пребывали в дикости, а в лесных дебрях России, по выражению древнего летописца, люди жили «аки скот».

Уже в седьмом веке, до арабского завоевания Туркестана, страна была далеко впереди государств Европы по своему культурному развитию. Самарканд предстал арабам богатым и в высшей мере процветающим городом. В нём существовал, например, водопровод, который по свинцовым трубам доставлял жителям отличную питьевую воду горных источников. Красивые и пышные сады Самарканда орошались водой из целой сети каналов. Отмечу, между прочим, что сегодня ни Самарканд, ни Ташкент, столица Туркестана, не имеют водоснабжения и жители вынуждены пить воду из нечистых колодцев или зловонных канав.

В летнюю жару даже бедные жители древнего Самарканда обеспечивались бесплатно льдом – роскошь, недоступная сегодня даже в Европе!

Площади столицы украшали огромные бронзовые статуи лошадей, быков, верблюдов, собак и т.д. Главной религией того времени было учение Заратустры, маздеизм, которое воспитывало любовь к животным, особенно домашним, среди которых первое место отводилось собаке как главному товарищу человека, завещанному от Ахуры Мазды для защиты его семьи, очага и стада. Так изложено в гимне Зенд-Авесты, сочинённом в честь собаки. Подтверждением правдивости данных сведений может служить бронзовая нога верблюда, найденная в водном канале у Дирхана, возле Самарканда. Теперь она хранится в музее Ташкента, если только не украдена большевистскими комиссарами, как это у них водится.

В Самарканде было множество храмов, не только зороастрийских, но и буддистских, манихейских, и несторианских христиан, поскольку в то время в Туркестане была полная религиозная свобода. Арабские завоеватели Туркестана не были разрушителями; ислам внедрялся постепенно, и его принятие сопровождалось разного рода привилегиями, такими, как денежным вознаграждением за посещение мечети.

По этой причине в девятом, десятом и одиннадцатом веках страна достигла высокой степени процветания и благополучия. То было время правления династии Саманидов, основанной Саид Назаром, правителем Туркестана. Саманиды отличались любовью к культуре и образованию, и по существу вскоре стали эмирами, совершенно независимыми от халифов Багдада. Их власть распространялась не только на территорию теперешнего Туркестана, но также на северную часть Персии и Афганистана. Весь этот район получил потом название Хорасан. Здесь процветали торговля и промышленность.

В Самарканде изготовлялась превосходная бумага из коры шелковицы, а дешёвое стекло славилось на весь свет. Китайский император отправил особое посольство в Самарканд с просьбой к эмиру прислать искусных мастеров в Китай для изготовления стекла.

Был он также знаменит своими шелками. По преданию, китайская принцесса, вышедшая замуж за эмира Самарканда, спрятала в своей причёске и привезла с собой коконы шелковичного червя, так было

положено начало производству шёлка в стране. Китайцы ревностно хранили секрет своего шёлка, и вывоз коконов карался смертью.

В горах жизнь бурно развивалась. Дымы плавильных печей поднимались к небесам; отливалось железо, медь, свинец и серебро; добывались золото и ртуть (найжены каменные аппараты, применявшиеся для амальгамирования серебра и золота); добывались драгоценные камни.

Добыча угля в этой стране началась на четыре столетия раньше, чем в Европе.

Все эти сведения от древних арабских географов поражают читателя своей обстоятельной точностью; как руководства они полезны даже и теперь для тех, кто знает, как их следует понимать. При описании некоторых каменноугольных копей, например, упоминалось, что угольная зола пригодна для отбеливания тканей. Это кажется странным, но анализ золы, выполненный мною, показал, что она содержит цинк, поэтому очевидно, что древние изготавливали цинковый отбеливатель из него. Арабы также хвалили олово из Туркестана за его чистоту, хотя этот металл был совершенно неизвестен в <современной> стране до тех пор, пока я однажды не наткнулся на легкоплавкую оловянную руду. Позже, когда я, преследуемый «властью рабочих и крестьян», был вынужден скрываться в горах, то обнаружил месторождения топаза, сапфира и рубина.

Торговые связи Туркестана в те дни были очень обширны. Его железо славилось своей чистотой, а сталь «булат» поставлялась в Дамаск, где из неё ковали знаменитые клинки. Туркестан всегда славился и славится своими арбузами. Их укладывали со льдом в свинцовые ящики и доставляли курьерским экспрессом прямо к столу халифов Багдада – воистину первый запечатлённый пример экспорта скоропортящихся фруктов в холодильнике.

Арабские писатели уделили особое внимание вышеупомянутому серебряному руднику Кух-и-Сим и городу Тункету.

Исходя из всех данных арабских источников, я уверен, что обнаруженный мною удивительный серебряный рудник и есть знаменитый Кух-и-Сим. Всё до малейших деталей указывает на него. Подтвердилось даже сведение о том, что неподалёку от устья реки возле рудника расположена обсерватория. Я часто посещал рудник, убеждаясь в богатстве месторождения, и каждый раз всё больше утверждался в мысли, что это именно он, рудник Кух-и-Сим. Я всё откладывал детальное исследование и съёмку до более подходящего случая, который – увы! – так никогда и не наступил!

Эта высокоразвитая цивилизация, эта бурная промышленная и торговая жизнь, эти процветающие города и дивные сады, всё было сметено нашествием варваров-кочевников, хлынувших с востока, – ордами Чингисхана. Вливание монгольской крови и материальное разрушение страны привело к интеллектуальному распаду населения. Только на короткое время при Тамерлане и его непосредственных преемниках

Туркестан вновь достиг некоторой степени культурного развития, однако ненадолго.

Ислам, став однажды преобладающей религией, поверг духовную культуру в дикий фанатизм и ненависть к «неверным». Так длилось вплоть до оккупации страны Россией. Как раз накануне завоевания два английских путешественника, Стоддарт и Коннолли, погибли мученической смертью в Бухаре по приказанию эмира Музафар Эддина.

О быстроте духовного распада населения свидетельствует следующий случай. В Самарканде был найден оригинальный измерительный инструмент, использовавшийся в старину для составления планов местности. Его устройство было столь удобным и практичным, что прибор выставили на продажу под видом современного. На нём превосходно сохранилась надпись, что прибор сделан в Самарканде таким-то мастером. Но ни в Самарканде, ни в Бухаре сейчас не найти ни одного местного жителя, даже среди учёных мулл, кто мог бы объяснить значение и способ применения данного инструмента.

IV

Мне также посчастливилось найти место расположения древней столицы провинции Илак, города Тункета.

Зимняя снежная буря в киргизской степи по чистой случайности свела меня с Хазретом, от которого впервые узнал я о Тункете. По странному совпадению, благодаря снежному шторму в степи Туркестана, я напал на место, где некогда стоял гордый процветающий город.

Вот как это произошло.

В конце дня успешной охоты на кабана я отправил домой своего человека с полдюжиной подстреленных мной свиней, а сам отправился в киргизский аул для ночлега. На следующее утро я выехал ещё до рассвета, рассчитывая за пару часов езды верхом добраться до небольшого караван-сарая, где мог бы отдохнуть и позавтракать. Утро было холодное и туманное, начался мелкий дождь, перешедший вскоре в обильный сухой снег. Сильный холодный ветер поднялся с северо-востока.

Езда против ветра была трудной. Снег бил в лицо, слепил глаза и застилал землю, стывшую под ветром. Руки онемели от холода, но моя отличная лошадь всё ещё смело пробивалась вперёд, как мне казалось, по дороге.

Так длилось два часа, три, четыре. Но знакомого караван-сарая всё не было. Шторм скрыл обзор, и я осознал, что сбился с пути и двигался в неверном направлении.

Я вперял взгляд вокруг в надежде отыскать нечто подобное укрытию, где мог бы остановиться для отдыха, защититься от непогоды и переждать бурю. Вперёд было видно не более чем на 10–15 шагов. Всё покрыто толстым слоем снега.

Неожиданно на некотором расстоянии от меня справа постепенно появилось что-то выступающее из

пелены. Я подъехал ближе и увидел угол старой разрушенной стены. Это было хорошим укрытием от ветра и здесь я спрятаться от непогоды вместе со своей лошадью, которая не меньше меня была рада защите от слепящего урагана. Намотав поводья на руку, я забился прямо в угол, как можно плотнее укутался в шинель и заснул.

Когда я проснулся, шторм уже стихал и вскоре прекратился вовсе. Небо прояснилось, и я выбрался из моего укрытия и влез на стену, дабы оглядеться во круг и определиться с направлением.

То, что представилось моему взору, поразило меня. Всё вокруг, насколько мог видеть глаз, являло собой как бы вычерченный чёрным по белому в натуральную величину план огромного города. Целые улицы ясно обозначены: места домов, здания, ирригационные каналы, водохранилища, башни и стены. Сухой снег, движимый ветром, заполнил все углубления в почве, показав рельеф выступающих деталей и как бы разметив город, когда-то уже давно сравнявшийся с землёй.

Летом, когда степь покрыта травой, и зимой, когда скрыта под однотонным серо-жёлтым одеянием, все эти небольшие углубления и выступы не видны. Но теперь, когда снежная мантия, столь редкая в этой части Туркестана, укрыла землю, а ветер её разровнял, план древнего города, спустя долгое время после того, как был разрушен, потерян и забыт, вновь появился, подобно негативу фотоснимка. То была завораживающая, чрезвычайно редкая и поучительная картина.

На следующее утро солнце должно было растопить снег, и чудный план должен был снова исчезнуть. Как жаль, что у меня не было с собой фотокамеры и не было других средств запечатлеть увиденное, что было бы даже лучше, чем фотоснимок.

Ещё долго разъезжал я по улицам и паркам этой призрачной Помпеи, пытаюсь сообразить, что всё это значит, понять смысл того или иного прямого угла или кривой. Странно выглядело место городских ворот. Казалось, что будто здесь были заложены основы нового города.

К ночи я достиг большой реки, где расположилсь на привал в небольшом селении. По возвращении домой я тщательно вымерил на карте расстояния и направления моего пути и просмотрел мои заметки из сочинений древних арабских писателей. И пришёл к однозначному выводу, что набрёл на место, где некогда стоял загадочный Тункет и где созерцал его на мгновение обозначившийся под снегом план.

Уместно спросить, какова судьба открытия рудника Кух-и-Сим и Тункета?

Мои заметки, планы и рукописи, наряду со всем моим имуществом отобрали большевиками и сожжены этими «уполномоченными научного социализма». Во время суровой зимы 1918–19 гг., в ту пору, когда я вынужден был скрываться в местных аулах, большевики топили свои печки моими бумагами и документами, в которых был итог трудов всей моей жизни, геологических съёмок и разведок в Туркестане.

Кух-и-Сим, утаившийся от нашествия монгольских орд, остался недоступным и для варваров севера, истребивших горную промышленность, только начинавшую давать ростки в Туркестане. Крупное землетрясение, незадолго до войны, скрыло и спрятало подходы к руднику. Ныне видны лишь груды камней и обломки скал.

Так заканчивается рассказ Назарова. Ясно, что в Кан-и-Гуте автор действительно был, ибо описа-

ние пещеры-рудника в общем дано верное. Но многое остаётся до конца не выясненным, в том числе – в каком году он посетил Кан-и-Гут, какие исследования провёл, где производил анализы руд, какие результаты получены. До сих пор ведутся споры среди историков, археологов и геологов – где же был расположен странный «призрачный» рудник Кух-и-Сим и «невидимый град» Тункет [Машковцев, 1926; Массон, 1934: 74; Наследов, 1935; Буряков, 1974: 70; Абдурахманов, 2004: 95 и др.]. Но это другая тема, требующая отдельного рассмотрения.

Литература

- Абдурахманов А.А. Илакские разработки // Горный вестник Узбекистана. № 2 (17). 2004. С. 94–96.
- Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М.: Наука, 1974. 136 с.
- Вернадский В.И. О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи // Труды Радиевой экспедиции Императорской Академии Наук. № 1. Петроград, 1914. 84 с.
- Гейер И.И., Назаров П.С. Кустарные промыслы в Ташкенте. Ташкент, 1903. 32 с.
- Горшенина С.М. Центральная Азия в творчестве Жозефа-Антуана Кастанье // Восток: история и современность афро-азиатских обществ. № 1. М., 1999. С. 130–147.
- Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. 35. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1955. 220 с.
- Иконников С.С. История исследования флоры Горного Бадахшана (Памир) // Ботанический журнал. Т. 82. № 1. 1997. С. 121–125.
- Ивановский А.А., ред. Известия и заметки // Русский антропологический журнал. № 1. М., 1900. С. 122–128.
- Кастанье И.А. Современные успехи спелеологии и мои спелеологические поездки по Туркестану 1913 и 1914 гг. // Изв. Туркест. отд. Импер. Русск. Географ. Об-ва. Т. XI. Вып. 2. Ч. 2. Ташкент, 1915. С. 3–51.
- Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 569 с.
- Массон М.Е. Рудник Погибели. Фрунзе: Кыргызстан, 1971. 48 с.
- Массон М.Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 105 с.
- Машковцев С.Ф. Кух-и-Сим. (Древний серебряный рудник в Туркестане) // Геол. вестник. Т. 5. № 1–3. Л., 1926. С. 66–69.
- Назаров П.С. Заметка о девонских отложениях озера Колтубана на Южном Урале // Зап. Импер. Минералог. об-ва. 2-я серия. Ч. 23. 1887. С. 133–138.
- Назаров П.С. К антропологии башкир // Изв. О-ва Любит. Естествозн., Антропол. и Этногр. Т. 18. Труды антропол. отдела, дневник. Т. 12. Вып. 2, 9. М., 1890. С. 54–59.
- Назаров П.С. Поездка на Памир // Землеведение. Т. 3. Кн. 1. 1896. С. 118–136.
- Назаров П.С. Дополнение к сообщениям И.Т. Пославского о находках каменных орудий в Средней Азии // Протоколы Туркестанского Кружка Любителей Археологии. Ташкент, 1907. С. 78.
- Назаров П.С. Открытие коренного месторождения золота в Туркестане // Туркестанские ведомости. №251. 1912.
- Назаров П.С. Древний серебряный рудник Кух-и-Сим // Туркестанские ведомости. 16 янв. 1914. С. 2.
- Назаров П.С. Бесплезная книга о полезных ископаемых // Туркестанский сб. Т. 562. 1915. С. 306–317.
- Назаров П.С. Зоологические исследования Киргизских степей / Перевод с франц., обраб. текста, прилож. М.В. Черткова. Оренбург: Изд-во ОГПИ, 1995. 55 с.
- Назаров Р. Трансформация традиционной системы питания населения Туркестана // Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Ташкент, 2009. С. 161–167.
- Наследов Б.Н. Карамазар. Труды Тадж.-Памир. экспедиции. Вып. 19. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 402 с.
- Соседко А.Ф. Кан-и-Гут // Социалистическая наука и техника. № 12. Ташкент, 1935. С. 17–24.
- Трошин А.К. Нефтяные промыслы Назаровых на р. Джусе // Вопросы истории естествознания и техники. № 15. 1963. С. 134–136.

- Шергалин Е.А. Павел Степанович Назаров (1863–1942?) неизвестный натуралист, повстанец и писатель // Астраханский вестник экологического образования. № 2 (24). 2013. С. 173–180.
- Шитова С.Н. Резьба и роспись по дереву у башкир. Уфа: Китап, 2001. 164 с.
- Burr M. Preface / Nazaroff P. Hunted through Central Asia. Edinburg, London: Wm. Blackwood & Sons, 1932. Pp. xi–xii.
- Hopkirk P. Introduction // Nazaroff P. Hunted through Central Asia. New York: Oxford Univ. Press, 1993. Pp. vii–ix.
- Nazaroff P.S. Kuh-i-Sim, the treasure of Turkestan // Blackwood's Magazine. Aug. 1929a. Vol. 226. Pp. 184–196.
- Nazaroff P.S. The Scythians, past and present. Translated by M. Burr // Edinburg Review. Vol. 250. № 509. Jul. 1929b. Pp. 108–122.
- Nazaroff P.S. Hunted through Central Asia. Translated by M. Burr. Edinburg, London: Wm. Blackwood & Sons, 1932. 331 p.
- Nazaroff P.S. Moved on! From Kashgar to Kashmir. London: George Allen & Unwin Ltd., 1935. 317 p.
- Nazaroff P.S. Kapchigai defile. The journal of Paul Nazarov / Ed. E.M. Turner. London: The Athenaeum Publishing Co Ltd., 1980. 127 p.
- Nazaroff P.S. Recherches Zoologiques des Steppes des Kirguiz // Bull. de la Soc. Imperiale des Naturalists de Moscou. 1886. Vol. 62. № 4. Pp. 338–382.

И.О. Грек

СК «Поиск», Одесса, Украина

ПЕЩЕРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ-УСАДЬБЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ В КАППАДОКИИ

I.O. Grek

CAVE ESTATE COMPLEXES OF THE MODERN PERIOD

The contemporary usage of Cappadocian caves makes clearer the earlier cave complexes nature. Mostly the latest cave complexes integrity is rather good so the particular elements purpose can be found out easily. The latest cave complexes survey gives the ability to discover architectural shapes typical for this period and distinguish them in the underground cities and rock settlements structures. The post-Bizantine household estates description is provided, it includes cave complexes in Çavuşin (Nevşehir province). Residential cave estates of the modern period mostly have one or two floors. A lot of shapes typical for Medieval structures are found in their household premises. Probably it depends on the archaic housekeeping method which has been typical for the particular region until 1950 s.

Каппадокия – регион в центральной Анатолии (Турция), расположенный в 250 км к юго-востоку от Анкары, хорошо известный своими комплексами искусственных пещер. На этой территории расположены сотни замечательных памятников скальной архитектуры самого разнообразного назначения. Наиболее выразительные из них – скальные церкви, украшенные сохранившимися до наших дней средневековыми фресками. Искусственные пещеры создаются и используются в Каппадокии с периода глубокого средневековья вплоть до настоящего времени, и это означает, что эта традиция существует в регионе на протяжении как минимум десяти столетий. Развитие такого феномена, очевидно, связано с наличием удобного для обработки камня – вулканического туфа, с особенностями исторического развития региона, с природными и климатическими условиями Анатолийского нагорья.

Исследования последнего времени большей частью посвящены живописи и архитектуре отдельных средневековых храмов Каппадокии, «подземным городам» и некоторым археологическим

памятникам. При этом публикации, посвященные пещерным комплексам нового времени, практически отсутствуют.

В то же время современное использование пещер в Каппадокии во многом дает ключ к пониманию природы более ранних комплексов. В целом поздние пещерные комплексы сохранились значительно лучше и назначение отдельных элементов интерьера хорошо читается. Изучение подобных комплексов позволяет выявить архитектурные формы, характерные для этого периода, и выделять поздние элементы в структуре «подземных городов» и «скальных поселений».

Комплексы искусственных пещер нового времени на территории поселений в Каппадокии, как правило, интегрированы в структуру хозяйственных единиц – усадеб. Планировка подобных структур различна и, безусловно, зависит от вмещающих форм рельефа. Тем не менее все поздние скальные комплексы Каппадокии имеют некоторые характерные для своего времени особенности, которые мы попытаемся выделить. В качестве примера рассмотрим несколько расположенных на склоне пещерных комплексов –